

КОНЦЕПТ «ЛЮБОВЬ» В ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКОМ ОСВЕЩЕНИИ (НА БОЛГАРСКОМ И ИНОСЛАВЯНСКОМ МАТЕРИАЛЕ)

В статье анализируются лексико-фразеологические, фольклорные и этнографические материалы с целью реконструкции концепта «любовь» в патриархальном обществе, его языке и культуре. Любовь как понятие многоаспектное в данном случае ограничивается сферой человеческих отношений (любовь между мужчиной и женщиной), отчасти с включением типичных для народной культуры мифологических представлений о связи человека с умершим супругом и/или демоническим персонажем.

Концепт «любовь» (и предикат *любить*) хорошо изучен, например, применительно к современному русскому языку (работы Ю. Д. Апресяна, Анны А. Зализняк [Апресян 2000б; Зализняк 2006] и др.). Общеславянские корни «любви», семантические связи «любовной лексики» и мотивационные модели исследованы С.М. Толстой и М. Якубович [Толстая 2012а; 2012б; Jakubowicz 2000]; понятие «любить» с точки зрения семантических универсалий описано А. Вежбицкой [Wierzbicka 1971]. Немалое число работ посвящено лингвокультурологическому анализу концепта «любви», чаще всего в сопоставлении с данными европейских языков [Вильмс 1997; Кузнецова 2006].

Этнолингвистического анализа концепта «любовь» с комплексным изучением языковых, фольклорных и этнографических материалов, насколько нам известно, пока что не проводилось. В полном объеме и в общеславянском контексте в рамках статьи охватить концепт «любовь» не представляется возможным, поэтому мы ограничимся

---

*Ирина Александровна Седакова,
Институт славяноведения РАН (Москва)*

Авторская работа выполнена по гранту РФФИ № 18-512-76003 «Лингвистическая и этнокультурная динамика традиционных и нетрадиционных ценностей в славянском мире» в рамках Программы ERA.Net.RUS Call 2018 (проект #472-LED-SW).

Выражаю благодарность российским и болгарским коллегам за помощь с полевыми материалами.

обозначением основных аспектов для последующего более подробного этнолингвистического анализа, сосредоточившись на болгарском материале (с некоторым русскими и инославянскими параллелями).

Семантика той «любви», которая является предметом анализа, подробно описана в «Новом объяснительном словаре синонимов», где она соотносится с предикатом ЛЮБИТЬ в значении 1.1. — «Обожать, вздыхать по кому-либо», а также «Желать, хотеть, вожделеть, т. е. испытывать страсть» [Апресян 2000а]. Согласно Ю.Д. Апресяну, лексема *любовь* называет один из фундаментальных культурных концептов — «положительное чувство-отношение, которое рассматривается как главная созидательная сила жизни» [Там же]. В патриархальном обществе любовь и ее начальная стадия — влюбленность, их социальное и ритуальное выражение — ухаживание с дальнейшим вступлением или невступлением (что особенно важно) в брак строго регламентируются. Забегая вперед, скажем, что рефлексия по поводу любви различается по своей открытости/закрытости в собственно языковых и нарративных материалах и в фольклоре (любовные песни и баллады). Любовь подвергается аксиологической характеристике по многим параметрам («ранняя», «поздняя», «первая», «последняя», «законная», «запрещенная», «взаимная», «неразделенная», «с инородцем», «с иноверцем» и др.), она служит ключевым мотивом в создании и разрешении ряда жизненных и обрядовых ситуаций и находит отражение в разных фольклорных жанрах. Любовь коррелирует с базовыми ценностными оппозициями «жизнь — смерть», «тайное — явное», «счастье — несчастье», «здоровье — болезнь», «ум — безумие», «порядок — хаос», «моральный — аморальный»¹ и др. С любовью сопрягаются такие понятия, как «верность», «измена», «ревность» [Вольф 1989; Апресян 2000а], «страсть» [Валиулина 2006], что важно для человека социального, особенно в небольшом закрытом обществе, где жизнь проходит «на виду у всех». Любовь апофатически входит в сферу нелюбви, ее отсутствия («безответная, несчастная любовь») или даже ненависти, что создает определенные коллизии, важные для социума, для обсуждения, сельских пересудов и сплетен или для непосредственных действий, например, магических («присушки»).

Разные предикаты, субъекты и объекты, выражающие концепт «любовь», образуют определенную лексико-семантическую группу. Кроме обозначения самого чувства (эмоции и состояния, по Ю. Д. Апресяну), сюда входят предикаты 'любить', 'желать'/'хотеть', 'дорожить', экспрессивные 'сохнуть по кому-л.', 'сходить с ума по кому-л.' и, как мы увидим далее, некоторые другие, казалось бы, удаленные

¹ Особенно важно в связи с концептом любви понятие греха, на эту тему есть много пословиц, ср. *Љубав на гријех не пази* (Любовь от греха не уберегает) [Влајинац 1975: 44].

от изучаемой эмоции глаголы действия. Множество фразеологизмов и устойчивых сравнений (хотя специальный анализ словесных клише не входит в задачи данной публикации) передают разную степень чувства и состояния: рус. *потерять голову*, *утратить рассудок*, *быть без ума от кого-л.*, что означает сильную влюбленность, близкую к безумию, ср. обозначение молодого парня (ухажера) – *лудо-младо* (безрассудный-молодой) в южнославянских песнях. Кроме того, важную роль для анализа концепта играют субъекты и объекты ‘возлюбленный’, ‘возлюбленная’, ‘любимый’, ‘любимая’, ‘[чей-то] парень’ ‘[чья-то] девушка’ и т. д., которые в языке бытовом и фольклорном получают разное выражение и, можно сказать, составляют два отдельных словника.

Любовь как чувство и состояние в традиционной картине мира уподобляется болезни, ср. рус. *тоска* [Топорков 2015], болг. *мерак* ‘любовь, страсть, томление’ (подробнее см. ниже), нередко объясняется магией и колдовством. В болгарском фольклоре особенно много мифологических баллад, которые посвящены теме любви как болезни в результате наведения порчи с целью предотвратить брак или разрушить семейное счастье. Отдельную область представляют собой поверья и баллады о «болезненной» любви между девушкой и мифологическим персонажем (болг. *змейчова болезнь* [БМ 2006: 138]), юношей и самодивой/самовилой, девушкой и Солнцем, между живым и умершим супругом. Состояние такой влюбленности мучительно, «больной»/«больная» буквально сохнет или горит/сгорает, чахнет и может умереть. Обычная («не мифологическая») любовь также приносит страдания, может довести до самоубийства и смерти от страданий, о чем повествуют в большом количестве фольклорные песни и нарративы.

Любовь как эмоция и состояние, как поведение относится к интимной сфере, что не так просто обсуждать в экспедициях при общении с носителями традиции; собирать такие сведения, как и «женские» темы, не всегда удается [Дугушина 2017]². Добрачная любовь и любовь между супругами различается по степени, качеству и ко-

² Разговоры с носителем культуры на интимные темы, в том числе о любви и эротике, требуют атмосферы доверительности и в немалой степени особых качеств собирателя фольклора. Так, по устному сообщению исследователя болгарской народной культуры Хр. Нейкова, его односельчане стали делиться с ним «сокровенным» (болг. *блажен*) знанием после того как он достиг 18 лет и смог участвовать наравне со всеми во взрослых застольях с алкогольными напитками. В экспедициях 1999 и 2001 гг. в с. Шипково (Ловечская обл.) и Стакевцы (Видинская обл., Болгария) я стала свидетелем уникальных способностей сербского ученого Драголюбa Златковича выводить собеседника на самые сложные темы и записывать самые уникальные, очень личные материалы. На основании своих бесед с информантами Д. Златкович опубликовал немало книг, в том числе и по интимной теме [Златковић 2001].

личеству описаний. «Как выражается любовь к жене? — спрашивает в 1904 г. Ольга Семенова-Тянь-Шанская, первая в России женщина-этнограф. — Этот вопрос меня давно уже интересовал, и одно время я думала, что “никак”, благодаря тому, что внешних выражений нежности мужа к жене положительно нет, даже у молодоженов... Но последнее время я думаю несколько иначе...». Далее она описывает некоего замечательного Петруху, который выражает любовь к жене чисто хозяйственным способом: «Летит в деревню, чтобы сделать, что “баба просит”. “Хозяйка моя удумала просо скорей связать, а того и гляди дождь — я уж ей и скосил паюшечку”...» [<https://snob.ru/selected/entry/110642>].

Как это характерно для языка и традиционных представлений в целом, обозначаются (хранятся в народной памяти), маркируются и более частотны негативные или трагические случаи — неразделенная любовь, внебрачные связи, измены, «разлучницы» и пр. К примеру, любовь и следствия любовной связи («плоды» любви), как верят, могут воздействовать не только на узкий круг людей. В результате «греха» оказываются наказанными пара влюбленных, семья, род и целое село. Измена вследствие любви к «чужой», не к жене, рождение внебрачного ребенка, как известно, может навлечь на село беды вплоть до стихийных бедствий, засухи и эпидемий [Кабакова 2001].

В подобных случаях любовь выступает в своем физиологическом воплощении, что также находит отражение в языке, повседневной и обрядовой жизни и в фольклоре. Эротика составляет отдельную тему и в последние годы подробно освящена во многих славянских исследованиях и публикациях материалов [Бадаланова 1993; РЭФ 1995; Подюков, Хоробрых 2001; Володина, Федосик 2006].

Еще одной сферой, раскрывающей специфику и роль любви в традиционной картине мира, являются этиологические фольклорные произведения. Любопытная болгарская легенда подтверждает важность любви в «формировании» анатомии человека и вместе с тем служит предупреждением опасности любовного увлечения:

При създанието на човека Господь билъ направилъ сглобата на главата. му да се отхлупва отъ горе, тѣй що кога ги нападнатъ гадовете, наречени въшки, да няматъ нужда да са пощятъ едни други, ами да може всякои да си отхлупя гърнето—капакътъ на главата и да си се опосква. Но една мома като си била отхлупила главата да я пощи, дошелъ любовникътъ ѝ, а тя са заглъвикала да се либятъ и забравила горния си черепъ тамъ дето го пощела, а една свиня идва, грабва отхлупения черепъ отъ главата на го изяда; момата така се била повела подиръ иргеня, щото забравила и посканъето и върхътъ на главата си. А иргенътъ така билъ са предаль къмъ момата, щото не я съгледалъ, че ѝ няма капакътъ на главата ѝ, или не му смислилъ,

че може до сушь да фиряса мозъкът ѝ. Ама Господь видель и казалъ: то не става тѣй; тези хора единъ за други и безъ глави ще останатъ, ами да имъ заваря азъ капака о главата, а че като се либятъ единъ други нека се и пощатъ както могатъ: инакъ рекълъ ще са забравятъ ся да ходятъ безъ капакъ, та ще изветрява мозакътъ имъ и ще останатъ съвсемъ безъ мозъкъ. И тѣй взель та утвърдилъ и заварилъ сглобата на главата имъ да се не отхлупва вече. И така е станаль този днешни среденъ човешки родъ, и така се осъвършенствувала човешката глава.

Создав человека, Господь так собрал (смонтировал) его голову, чтобы в случае, если на него нападут паразиты, называемые вшами, людям не надо было бы искать вшей друг у друга, а каждый мог бы сам открыть горшок-голову, снять крышку с головы и искать у себя вшей. Но случилось так, что одна девушка сняла крышку со своей головы, а в это время пришел ее возлюбленный, она увлеклась своим приятелем и оставила верхнюю часть своего черепа там, где сидела и искала у себя вшей. В это время к крышке, которую сняла с головы девушка, подошла свинья, схватила ее и съела. Девушка так увлеклась своим парнем, что забыла и о вшах, и о крышке на голову. А парень так увлекся девушкой, что не заметил, что у нее нет крышки на голове, или просто не догадался, что мозг-то у нее может испариться. Но Господь увидел и сказал: так дело не пойдет; эти люди один из-за другого могут без головы остаться, я прикреплю крышку к голове, чтобы когда влюбленные вдвоем находились, они бы и искали друг у друга вшей, иначе, сказал он, они совсем обо всем позабудут и будут ходить без крышек, и у них мозг выветрится, и они останутся совсем без мозгов. И он так и сделал, закрепил голову, чтобы она уже не открывалась. И так и остался до сегодняшнего дня человеческий род, так была усовершенствована голова человека.

[СБНУ 1890/2: 165–166]³.

Теперь обратимся собственно к словарю любви. С. М. Толстая, исследуя ключевые способы выражения представлений о любви в славянских языках, вслед за Х. Бирнбаумом приходит к выводу о достаточно позднем формировании данной семантической сферы [Birnbbaum 1978: 155–156; Толстая 2012a]. С максимальным учетом диалектных материалов, а также с привлечением заимствований для балканославянских языков картина становится еще более пестрой, а

³ Апелляция к любви и первородному греху, безусловно, представлена в значительном количестве фольклорных этиологических текстов. Отметим особо этиологические тексты, описывающие появление определенных видов животных и растений в результате гибели влюбленных [Белова, Кабакова 2014].

семантические нюансы в их ареальной проекции — разнообразнее (включая общеслав. корни **l'ubiti*, **dorgъ*, **milъ*, **vol-* и др.). Очевидно, что народный словарь любви в значительной степени отличается от словаря литературного, он опирается на традиционные архаические воззрения и практики, которые в современном обществе и его языке полного отражения не находят. С другой стороны, авторская поэзия привносит свою метафорику любви, которая может основываться как на архаических образах, так и быть совершенно свободной от аллюзий, окказиональной. Очень важно то, что лексика любви диалектна. Прежде всего, диалектный характер общеславянской лексики проявляется в разной частотности, употребительности/неупотребительности словообразований от определенных корней, их семантики в разных регионах страны. В Болгарии при общebolгарском глаголе *обичам* 'любить', встречается и глагол от *l'ub-*: *л'уб'а* 'любить': *Пък то ѝа л'убил змей* (А ее любил змей); *л'уб'а са* 'проявлять любовь': *Тугас на вал'енки и пу с'ед'енки са л'уб'ехм'е* (В то время мы на толоках да на посиделках свою любовь показывали) (Еркеч, Варненская обл.) [Керемидчиева и др. 2012: 171]. При этом у *любя се* более распространено значение 'заниматься любовью', 'вступать в половую связь', отсюда на свадьбе после первой брачной ночи нечестная невеста обозначается *любe облюбено* (любимая, которую любил другой) [Гура 2012: 622]. Добавим, что немало глагольно-именных конструкций в славянских языках выражают именно физиологические аспекты любви, ср. макед. *води љубов* 'находиться в любовной связи' [Ширилов 2008: 136]. К ним можно добавить и болг. глаголы *мамя*, *лъжа* 'обманывать', которые могут подразумевать не только ухаживание, но и любовную связь вне брака.

Словник любви различается по узусу — литературный или диалектный, народный фольклорный язык. Так, распространенное в болгарской речи заимствование *гадже* 'мой парень, возлюбленный; моя девушка, возлюбленная' и мн. ч. *гаджета* 'влюбленные' из цыганского *гаджо* 'не цыганин', 'чужой' [БЕР 1: 223] совершенно не встречается в народной поэзии и прозе. Болг. заимствование из греч. *харесвам* 'нравиться, быть влюбленным' в народном лексиконе любви фигурирует в контексте диалогов на сватовстве, помолвке, но в фольклорных песнях практических не фиксируется. Таким образом, в каждой традиции определенные слова строго привязаны к этнографическим реалиям и к конкретному фольклорному жанру. Более того, в зависимости от обрядового сценария, от социальной ситуации, от конкретного фольклорного жанра используемая лексика даже в одной традиции будет различной. Рассмотрим это на примере болгарской лексики со значениями 'любовь', 'любить' и 'возлюбленный', 'возлюбленная' (в том числе и в функции обращений) в фольклорных текстах. К этим

словам относится как славянская лексика — *любя/либя, копнея, горя/изгарям, либе, лудо младо, изгора*, так и заимствования из турецкого: *мерак* ‘любовь, страсть, томление’ и *севда* ‘любовь’. Если сравнить жанры, то по использованию некоторых лексем песни близки пословицам, а других — различаются. Так, болг. *харесвам* весьма частотно в афористике, но не в народных песнях. А слово *севда* характерно и для песен, и для пословиц: *Севда става на нямане и на боклука* (Любовь случается и в нищете и в мусорной яме); *Севда от огън по-пари* (Любовь обжигает сильнее огня) [Славейков 1972: 445], то же относится и к *мерак*.

В балладах нередко лексемы, обозначающие любовь или предмет любви, представляют собой перечень, т. е. соединение нескольких синонимов: ср. *изгора, либе, севда: Изгоро първа изгоро. / Първо либе, първа севдо, / не копней, недей се вайка, / че каил за нас не стават / моят татко, твойта майка* (Любовь моя первая, возлюбленная, любовь первая, не страдай, не охай, что не дают нам жениться мой отец, твоя мать) [РБЕ 6: **изгора**]. Ср. также ряд синонимов *лудо, мерак, севда: Не забравяй, лудо, старите мераци! Лудо ле, първо севдо ле, старите мераци от две, три години. Старите мераци мъчно се забравят* (Не забывай, парень, старую любовь! Первую любовь, парень, старую любовь двухлетнюю, трехлетнюю. Старую любовь трудно забыть) (зап. Христо Нейков).

Нередко в народных песнях лексема *изгора* используется и изолированно: *Учи ме, мамо, научи, / какво да земем Диляна – / Диляна мома хубава, / Диляна пуста изгора* (Учи-научи меня, мама, как мне взять Диляну, Диляну, красавицу, Диляну, любовь проклятую) [СБНУ 1949/44: 257]; *Я мор, Тодороо! синко изгоро! / Който ти земне / тойзик венцец, / да го не носи / по дъж, по вятър, / най да го носи / в черната земя!»* (Ах Тодоро, любовь моя, кто возьмет твой венец, пусть не носит его в дождь и на ветру, а носит его в черной земле) [СБНУ 1924/36: 44]. В слове *изгора* соединяется собственно значение корня ‘гореть’ и переносное ‘сгорать от любви’, поскольку любовь в народной картине мира соотносится с пламенем, огнем, что особенно проявляется в любовной магии. *Копнея* в фольклорном контексте также сочетает в себе два значения — ‘желать что-нибудь, кого-нибудь’ и ‘таять, худеть’ [БЕР 2: 618], т. е. и причину, и следствие. Однако это слово совсем не частотно в народных произведениях, скорее, оно используется фольклористами при классификации мотивов любовных песен «Копнеж по мома» (Любовь к девушке), ср. [Молерови 2006: 105].

Изгора, как и *мерак* (см. ниже) обозначают возлюбленного до брака, вне семьи, тогда как *либе/любе, севда* могут быть обращены к супругу/супруге, ср. и серб. *љубе*, которое может означать не только любимую девушку, невесту, но и жену.

Турцизм *севда* в функции обращения или субстантива весьма частотен в любовных песнях с разными мотивами: *Станко ле, Севда голяма* (Станко, Любовь великая); *Керимо, бяла ханъмо, аз имам севда на тебе* (Керимо, белая госпожа, я к тебе испытываю любовь); *Удавили са двамата, либи за либи отиде, Севда за севда потъна* (Утонули двое, любовь за любовью ушла, любовь за любовью утопилась) [Геров 5: 218]. Интересна с точки зрения адаптации заимствования морфологическая форма родопского диал. *севдъо*: *Бекиро, либе Бекиро, от севдъо да са умира, ѝе веке да сом юмрела, лю ми се сохне и вехне. Суха съм вейка станала* (Бекира, любовь Бекира, от любви если умирают, я бы уже умерла, я сохну и увядаю. Я уже сухой ветвью стала) (зап. Хр. Нейков). Добавим, что отмеченная С. М. Толстой тенденция формирования имен собственных от корней со значением 'любовь' и смежных понятий [Толстая 2012a] распространяется на болг. заимствованное из турецкого *Севда*. Это женское имя, которым даже крестят в православных церквях Болгарии, более того, вместе с Верой, Надеждой, Любовью и Софией болгарки по имени *Севда* празднуют именины 17 сентября.

Самое распространенное обращение к возлюбленной *либе*, его варианты *лобе*, *първо любо*, *любне*, *любене* встречаются во всех локальных вариантах песен [Молерови 2006: 182, 220, 217].

Мерак в этом контексте заслуживает особого внимания. В словарях балканославянских языков *мерак* выступает как полисемичное слово, при этом значение 'любовь', 'страсть' указывается как устаревшее и (или) диалектное. Однако даже в словарной статье примеры с *мерак* очень показательны — они всегда передают драматическую коллизию: *Напуснал е отечеството си още преди петдесет години — от някакъв мерак по жена* (Он покинул отечество пятьдесят лет тому назад — из-за любви к женщине) (Ив. Вазов) или апеллируют к изначальной ситуации выбора «по любви»: *Но кажи ми, защо я биеш? Не си ли я взел у дома си по мерак?* (Но скажи мне, почему ты ее бьешь? Ты же привел ее в дом по любви?) [РБЕ 9: **мерак**]. Ср. также глагол *мераклайсам се*, толкование которого включает сведения из заговорной традиции: 'влюбиться, сильно пожелать'. *За да одвратат маж од жена, ако се мераклайсал в некая друга жена* (Чтобы разлучить мужчину с женщиной, если он вдруг влюбился в другую) [Щепенков 1998: 438].

Фольклорных песен со словом *мерак* в болгарской традиции огромное множество. *Мерак* в этом случае в зависимости от контекста по своей аксиологии располагается на оценочной оси от положительного до отрицательного. Различия в концентрации чувства, эмоции приводят к тому, что это слово может обозначать явления и состояния, которые на шкале оценки находятся на противоположных полюсах.

Любовь-мерак может давать счастье, а может и вызывать страдания и быть причиной смерти.

Обычно в песнях *мерак* получает эпитет — это или первая любовь, или проклятая любовь, или старинная любовь; известны песни с клишированным зачином: *Ах мерак, стар (пуст) мерак*.

Песни с этим словом воспроизводят несколько ситуаций. Нередко они сопрягают представления о любви и браке: *Ох мерак, мила мамо, тоз мерак, / той ще ме, майко, юмори. / Който се, мила майко, със мерак, / със мерак, майко, йожени, / булчето да му й, мамо, циганче, / нему се струва, майко, царкинче* (Ох любовь, милая мама, эта любовь, она меня, мама, со света сживет, кто по любви женится, жена его, мама, цыганочка, покажется ему, мама, королевишной) (воспроизводится ситуация «с милым рай и в шалаше») [РБЕ 9: **мерак**]; *Руске ле, любе ле, / чакай ми, вярвай ме, / служба да изкарам, / .. / Двама да се вземем, / с мерак да се водим* (Руска, любовь моя, подожди меня, поверь мне... отслужу службу, ... Поженимся, по любви под венец пойдем) [Там же].

Брак без любви (*без мерак*) в народных представлениях заведомо считается несчастливым. *Ах, мерак мамо мари пак мерак, кой са без мерак, мамо ожени. Кой са без мерак, мамо ожени, кой не знай мамо, що е либене. Либе ми беше, мамо сиромаш, мен ми са струва, мамо богаташ. Къщи му бяха, мамо, колиби, мен ми са струват, мамо, палати. Либе ми беше мамо дюлгерин, мина са времи стана майстури. Сега си, мамо, друга залуби, че е по-млада и по-хубава. Ах, мерак, мамо мари, пак мерак, тоз мерак, мамо, ша ма изгори. Той ни ще мамо, пък аз го любя, мерака, мамо, гори изгаря* (Ах, любовь, мама, и вновь любовь, кто, мама, без любви женится (два раза), тот не знает, мама, ничего про любовь. Был мой милый, мама, бедняк, а мне казался он, мама, богачом. Домом ему был, мама, шалаш, а мне он казался, мама, дворцом. Парень мой был плотником, время прошло, стал мастером. Сейчас, мама, другую полубил, красивее и моложе. Ах, любовь, мама, любовь, и вновь любовь, она меня, мама, без огня сожжет. Он не хочет меня, мама, а я люблю его, любовь горит-сжигает меня) [<https://textove.com/binka-dobрева-ah-merak-mamo-tekst>]. Повторим, что образ любви как пламени, влюбленности как ожога архаичен и присутствует в языке, фольклоре и магии, ср. и сербскую песню: *Ужего се Будим без пламена, ужегла га с очима девојка* (Обжегся Будим без пламени, обожгла его взглядом очей девушки) [Пешикан Љуштановић 2012: 210].

Мерак может означать влюбленность, но может и соотноситься с тяжелой болезнью (и душевными страданиями). В других фольклорных жанрах — заговорных текстах, которые служат приворотами (для взаимной любви) или, наоборот, отсушками (для того, чтобы загуляв-

ший муж вернулся к жене), также встречается эта лексема, причем, как это типично для заговоров, в сочетании с рядом однокоренных словообразований.

Эти примеры можно значительно умножить. Можно сказать, что в фольклоре законсервировано слово *мерак* в его связи с любовью и объектом страсти, желания, которое в современном болгарском (и в ряде других балканославянских языков) чаще используется как ‘желание’, ‘интерес’, ‘склонность’, ‘одаренность’.

В балканославянских диалектах производные от *мерак* могут включать в себя семы любви и страсти, плотского желания — так, макед., серб. *мераклика* ‘любовница; женщина легкого поведения’ [Митровић 1984: 179; Ширилов 2008: 170]; болг. врачанско *мераклендисвам се* ‘ощутить страсть’ [БД 9: 276]. В Пироте *врљи мерак* значит ‘влюбитья’: *Девојчето врљило мерак на њега и само си по њега иде* (Девушка в него влюбилась и лишь за ним всё ходит), ср. и другие сербские материалы: *На тој девојче мерак имам* (Я люблю эту девушку); *Загазија у године, а мераклија је на убаво женско* (Ему уже много лет, а большой любитель по женской части) [Златановић 2014: 373].

Известны и менее распространенные заимствования, общеполканские турцизмы, которые встречаются в разговорной речи и в песенном фольклоре. Так, заимствование из тур. *aşık* ‘возлюбленный’ фиксируется в болгарском, сербском, македонском, албанском и греческом языках [Петровић 2012: 57]. В словарях болгарского языка *ашик* дается с пометой «простонародное», «диалектное» и имеет по крайней мере три значения: 1) ‘возлюбленный’; 2) ‘исполнитель любовных песен’; 3) неизм. прилаг. ‘влюбленный, возлюбленный’ — *Подуна ветар, Стано, / де гиди, ашик Стано ле, моме / по Вардарско поле* (Подул ветер, Стана, / возлюбленная Стана, девушка, / по Вардарскому полю) [РБЕ 1: **ашик**].

В славянских диалектах содержится немало обозначений возлюбленных, ухажера и объекта ухаживаний. Вот, например, русское (вологодское) словообразовательное гнездо *масёт*, включающее лексику, которая упоминается в частушках и в обиходной речи: *масёт* (жен. *масётка*) ‘милый, возлюбленный; ухажер, кавалер’: *Масет — то же, что дроля, относится к девушке и парню. Пели: «Ты масетка, я масет, сошей, масеточка, кисет»; масётить* ‘иметь любовные отношения с кем-л.; ухаживать за кем-л.’: *Масет с масеткой масетят — значит, ведут тайную любовную беседу; масётиться* ‘то же’: *Сидела, сидела, с парнем масетится, дролится* [КСГРС; СРНГ 9: 381].

Лексика этого гнезда встречается в любовной лирике, частушках наряду с такими типичными общерусскими актантами, как *миленок, дроля, дrolька, дроленочек, забавничек* [СРНГ 8: 198–199; 9: 240] и др. В каждом диалекте есть свои обозначения возлюбленной, которые

характерны для определенных фольклорных жанров. Так, бойковские говоры украинского языка для обозначения возлюбленной используют *кохан(к)а*, а также словообразование от *люб-*: *любка, любаска, любочко* [Матіїв 2013: 263]; сербск. *љуба*, кашуб. *Luba*, польск. *kochaneczka*⁴ и др., ю.-серб. *љубе* уменьш. от *љуба*: *Трећу травку дом да носиш на тој твоје верно љубе да ти роди мушко дете* (Третью травку домой носи своей верной возлюбленной, чтобы родила тебе сына) [Златановић 2014: 355].

Безусловно, эти локальные лексемы, привязанные не только к диалекту, но и к определенному фольклорному жанру, дают возможность для более подробного анализа общеславянского ареального распространения корней. Так, в связи с южнослав. *воleti* ‘любить’ отметим, что однокоренные слова с подобным «любовным» значением встречаются в других ареалах: в частушках Среднего Урала *воля* обозначает милого, любимого, а в кашуб. фольклорных песнях — ‘любовь’: *Sy do mnie woli ni mos* — Или у тебя ко мне воли нет (сердце не лежит)? (цит. по: [Гура 2012: 611–612]).

Приступая к анализу концепта «любовь» sub specie этнографии, начнем со свадьбы, где эмоциональные мотивы должны бы, казалось, быть наиболее яркими. Свадьба — основной хронотоп любви, однако любовь как эмоция здесь скрывается, редко выражается вербально (возможно, чаще в благопожеланиях и тостах), идеи любви передаются через реальные/вещные или акциональные коды, через метафоры соединения.

Приведем здесь вариант песни на тему «брак без любви»: *Който се жени, маля, със мерак, той зима булче циганче, за него булче царкинче. Който са жени без мерак, той зима булче царкинче, за него булче циганче* (Кто по любви, мама, женится, берет невесту-цыганку, а для него она невеста-принцесса, Кто без любви женится, берет невесту-принцессу, а для него она — невеста-цыганка) (зап. Хр. Нейков), см. и примеры выше. На эту тему есть немало пословиц, ср. болг. *Жени са без любов, ходи без пушка на лов* (Жениться без любви, что идти без ружья на охоту) [Славейков 1972: 203]. В Полесье брак без любви включал в себя элементы погребения, невесту оплакивали, как покойницу, ибо без любви замужество равносильно смерти: [Голосили ли на свадьбе?] — *Голосіла яки шла як не в любові. Голосіла як по небоўчыку. Люді білі ў хате, да ўсё голосіли. На посаде гóлосом голосіла* [ПА, с. Замощье, Лельчицкий р-н, Гомельская обл.]. Ср. также рус. карел. *нравство* ‘взаимное влечение, любовь’: *С милым везде хорошо, если взамуж по нравству выйдешь; нравый* ‘такой, который

⁴ *Kaj sie ty obraca / moja kochaneczka* (Когда же ты вернешься, моя милая) [Бартминьский 2005: 457].

нравится»: *Если он тебе не нравен, так венчать не будут* [СРГК 4: 52]. «Семейная жизнь без любви — как еда без соли», — констатирует народное выражение, ср. *не в любовь: Я как без соли еду ел, так жизнь свою проводил, не в любовь живу* [СРНГ 17: 239].

Корреляция «любовь — брак» должна была бы быть главенствующей в материалах по сватовству и свадьбе. Есть монографии, посвященные свадьбе [Узенева 2010; Гура 2012 и др.], однако тема любви и влюбленности при вступлении в брак специально почти не оговаривается. В энциклопедической монографии А.В. Гуры о славянской свадьбе упоминается «любовное ухаживание» с подробным перечнем терминов, венчание «по любви» без разрешения родителей и неверность в браке, т. е. любовные связи на стороне [Гура 2012: 21, 25, 41]. По особому сценарию проходят свадьбы с умыканием — т. е. именно по любви, но без согласия родителей. Это всегда отмеченные свадьбы, как по ритуальному оформлению, социальной оценке, так и по терминологии (болг. *бегалка, бегалица, бегулка, пристануша, пристанала* и др. [Узенева 2010: 180; Гура 2012, по указ: **умыкание, похищение невесты**]).

Значительное место в свадебных комплексах уделяется магическим действиям, направленным на любовь в браке, которая понимается как со-гласие, со-переживание, со-вместная жизнь и другие представления о взаимности и мире в семье. Поэтому основная символика ритуалов и магических актов включает в себя совместные, одновременные действия (откусывание, поедание яблока/пирога, кормление молодых с одной ложки, питье воды, смотрение в зеркало и мн. др.), соединение и связывание молодых на разных этапах свадьбы. С проекцией на будущую любовь соблюдались рекомендации: в западной Словакии считалось, что если молодые спят первую ночь вместе, значит, буду любить друг друга [Гура 2012: 524]. Очевидно, что в свадьбе акцентируется физиологическая сторона любви, нередко через сладкое (мед, сладости, яблоко — эротические символы), в основном как магия продуцирования, направленная на рождение в браке детей. На брачном застолье у русских требуется подтверждения взаимной любви молодых, которые целуются, подтверждая свои чувства, после криков «Горько!».

В этнографии собственно любовь и влюбленность, предшествующие свадьбе или уже в браке, полномащтабно не описаны. В работе с информантами иногда удается записать рассказы о любви/нелюбви, желании/нежелании вступить в брак, однако эти темы для патриархальной среды чаще всего соединяются с семейным укладом и послушанием, важностью родительской воли. *Гулям мерак имах да взема Стуян, амь не ма послушаха* (Я так хотела выйти за Стояна, но меня не послушали) — это частый мотив в рассказах собеседников.

Д. Маринов пишет о том, что сыновей лишали наследства и не пускали в дом в случае нежеланного выбора невестки: *Взemi я, ама да видим, на чии врата ще я доведеш* (Бери ее, но посмотрим, к чьим воротам ты ее приведешь). С другой стороны, при первом посещении сватов девушку спрашивают про ее чувства и прислушиваются к ее мнению, хотя оно нередко обусловлено предварительным решением родителей. Нередко ссылаются на «правило»: *Стерпится — слобится* или болг. *Обич доожда и след венчило* (Любовь приходит в браке).

Нередко случается записывать истории о том, что помолвка совершалась в отсутствие парня, который даже не знал имени невесты (с. Стакевцы, Видинская обл., 2001), что молодые познакомились на помолвке (старообрядцы Тульчи, Румыния, 2008) и т. д. Так, старообрядка Хима (Евфимия) в Тульче пригласила меня, чтобы рассказать о том, как она выходила замуж, и ее рассказ включал описание тяжелого положения в семье отца-вдовца, который вынужден был выдавать ее замуж. Желания Химы он не спрашивал, более того, она увидела своего жениха впервые на помолвке. Гости угощались в комнате за столом, а молодых отвели в соседнее помещение, где жених после долгого молчания спросил: «Тибe Хима звать?», после чего они стали беседовать и договариваться о свадьбе. К моменту нашего разговора Хима была уже вдовой, ее соседи рассказали мне, что они с мужем очень любили друг друга. Таким образом, любовь как условие вступления в брак, по свидетельствам традиционной культуры, — очень относительный фактор, во всяком случае, имеющиеся нарративы подтверждают, что она не является гарантией счастливой семейной жизни.

Терминология, связанная с женихом и невестой, в словнике традиционной свадьбы не включает в себя слов со значением ‘любить’, ‘дорожить’, с редкими исключениями — болг. *миловник* (пловд.). Венчание же у западных славян обозначается словообразованиями от **lub-*: пол. *ślub*, силез. *zaślubiny*, словац. *śl'ub*, чеш. *slub* (по мысли А.В.Гуры, «названия церковного венчания связаны с клятвенным обещанием, обетом, присягой...») [Гура 2012: 408]. Общеболгарский термин венчания *венчило*, обычно *търво венчило*, в фольклоре обозначает супруга/супругу и служит синонимом сильной любви (преимущественно в песнях и причитаниях и пр.).

Действительно, в причитаниях нередко встречается обозначения умершего мужа (причитаний по умершей жене не фиксируется) через «первый венец». Сравнение разных славянских традиций требует большего внимания и более детального изучения, поскольку различия в назывании умершего мужа и в обращениях к нему очень разнятся. Тема любви, даже в случае раннего ухода супруга, практически не звучит, доминируют мотивы «хозяина», «опоры», «отца детей». В болгарских причитаниях самым частым субстантивом можно счи-

тать «хозяин» (болг. *домакин*, ср. также белор. *гаспадарочак* и др.). В восточнославянских плачах очень сильна общенародная поэтика, ср. обращение к умершему супругу с помощью традиционных образов, ср., например, в белорусских причитаниях «А дубочак ты мой зялёненькі, а бярозка мая кудрявая» [ППГ 1986: 279]. Используются и ласковые эпитеты «А мой жа ты родненькі, а мой жа ты міленькі, мой харошанькі... мой галубчiк», «Мае саколіку, мае орліку» [Там же: 281]. О любви прямо не говорится⁵, хотя в обрядовом комплексе фиксируются эротические мотивы, связанные с потенцией умершего молодого мужчины.

В родильной обрядности доминируют аспекты любви, которые не являются предметом этой статьи, — любовь и привязанность к родным. Однако мотивы вступления в брак и магия, направленная на наделение мальчика/девочки привлекательностью, занимают в комплексе ритуалов значительное место. Уже упоминавшийся образ любви как огня, пламени (отсюда ряд магических действий со свечой [Белова, Седакова 2008; Sedakova 2015]) дополняется предикатами, обозначающими физические признаки желания и страдания, ср. болг. *топя се* ‘таять (о воске)’, *лепя се* ‘клеиться’, отсюда использование по народной этимологии летучих мышей (болг. *прилеп*) и «клеящих» растений (*лепка* и др.). Этимологическая магия основана на созвучии слов — так, посыпают пол *просом*, чтобы девочку в последствии *просили*, т. е. сватали [Седакова 2007]. Магический ряд родинной обрядности включает в себя акты и вербальные формулы, направленные на то, чтобы ребенок впоследствии любил противоположный пол, чтобы у девочки были ухажеры, а у мальчика поклонницы. Выражаются эти идеи через метафорическую лексику любви, некоторые акты напоминают любовную магию [Топорков 2004; 2008].

Любовная же магия — это та часть народного знания, которая очень неплохо сохранилась и при изучении концепта «любовь» лучше всего фиксируется в экспедициях. Публикации по любовной магии бесчисленны. Сами же магические действия могут иметь диаметрально противоположную направленность — способствовать влюбленности и пробуждению любви или, наоборот, избавлять от этого чувства. Магические акты были адресованы как юношам и девушкам до брака, так и семейным мужчинам и женщинам в случае измены, охлаждения. Знаниями магических приемов присушек и отсушек обладают многие сельские жители. В далеком 1977 г. мы, студенты-болгаристы МГУ, приехали в болгарское село Твардица (тогда МССР) и познакомились с местными парнями. Первое, что они нам рассказали, — как девуш-

⁵ В с. Пирин (Благоевградская обл.) было зафиксировано причитание, в котором вдова подробно описывала свою любовь к ушедшему мужу. Однако односельчане сочли, что она «не в своем уме» (зап. Хр. Нейков).

ка может приворожить парня (известный способ с использованием месячных). Это, так сказать, общее знание, но встречаются и весьма экзотические действия, трудные для выполнения: влюбленный парень должен посмотреть на девушку, которая не испытывает к нему чувств, через вырезанное в задку живого волка отверстие. Такие же действия нужно осуществить в браке по отношению к тому супругу, который охладел (болг. ю.-зап.) [Молерови 2006: 411]. Мужей, заподозренных в измене, которые «поглядывали на женщин» (*мъже вадели очите по чужди жени*), пытались вернуть в семью магическим образом: на Преображение тайком смотрели через отверстие в подсолнухе на мужа, считая, что и он преобразится и будет смотреть на них (*слънчоглед*) [Там же].

* * *

В заключение отметим, что исследование концепта «любовь» в этнолингвистическом аспекте на общеславянском фоне при общем сходстве основных корней словника позволяет выявить лингвистическую, фольклорную и обрядово-ритуальную специфику. Словники любви будут различаться по многим параметрам в ареальном (распространение словообразований от общих корней, наличие заимствований, как в балканославянских языках, и др.), контекстуальном (в зависимости от наличия конкретного фольклорного жанра в традиции — ср. коломийки, частушки, мифологические песни у разных славян), обрядовом и социальном (в том числе и в зависимости от степени консервативности уклада, роли конфессии — православия, католичества, ислама и др.) отношениях. При этом общеславянский континуум выявляет интересные переходы и наслоения словообразований от общих для всех славян корней, которые требуют дополнительного исследования с учетом той области, в которой они функционируют. Важно и то, что степень экспликации любовных чувств неодинакова в языке описания обрядов (даже свадебного комплекса) и в фольклоре. Это само по себе представляет важный ракурс этнолингвистических разысканий и, кроме того, позволяет исследователю посмотреть на лексику любви значительно шире и обратить внимание на развернутый спектр ее символических и метафорических обозначений.

Литература

- Апресян 2000а — *Апресян Ю. Д.* Любить 2, Обождать; Любоваться // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / Под общим руководством акад. Ю. Д. Апресяна. М., 2000. Вып. 2. С. 180–187.
- Апресян 2000б — *Апресян Ю. Д.* Многозначность и синонимия слова *любить* // *Etnolingwistyka. Lublin*, 2000. Т. 12. S. 77–95.

- Бадаланова 1993 — *Бадаланова Ф.* Български еротикон. София, 1993.
- Бартминьский 2005 — *Бартминьский Е.* Языковой образ мира: Очерки по этнолингвистике. М., 2005.
- БД — Българска диалектология. Проучвания и материали. Т. 1–. София, 1968–.
- Белова, Кабакова 2014 — *Белова О. В., Кабакова Г. И.* У истоков мира: Русские этимологические сказки и легенды. М., 2014.
- Белова, Седакова 2008 — *Белова О. В., Седакова И. А.* Свеча // Славянские древности. Этнолингвистический словарь. Т. 4. М., 2008.
- БЕР — Български етимологичен речник / Сост. В. Георгиев, Ив. Гълъбов, Й. Заимов, Ст. Илчев и др. София, 1962–. Т. 1–.
- БМ 2006 — Българска митология. Енциклопедичен речник / Ред. А. Стойнев. Второ изд. София, 2006.
- Валиулина 2006 — *Валиулина С. В.* Средства репрезентации эмоции «страсть» как фрагмента русской языковой картины мира. Автореф. дисс. канд. филол. наук. Иркутск, 2006.
- Вильмс 1997 — *Вильмс Л. Е.* Лингвокультурологическая специфика понятия «Любовь» (на материале русского и немецкого языков). Дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.20. Волгоград, 1997.
- Влајинац 1975 — *Влајинац М.* З. Жена у народним пословицама. Београд, 1975.
- Володина, Федосик 2006 — *Володина Т. В., Федосик А. С.* Белорусский эротический фольклор. М., 2006.
- Вольф 1989 — *Вольф Е. М.* Эмоциональные состояния и их представления в языке // Логический анализ языка. Проблемы интенциональных и прагматических контекстов. М., 1989.
- Геров — *Геров Н.* Речник на българския език. Пловдив, 1895–1904. Ч. 1–5.
- Гура 2012 — *Гура А. В.* Брак и свадьба в народной культуре: Семантика и символика. М., 2012.
- Дугушина 2017 — *Дугушина А. С.* «Женские» темы в этнографии Балкан: нужно ли быть «своим», чтобы говорить об интимном // Балканский тезаурус: Взгляд на Балканы *извне и изнутри*. (Балканские чтения 14. Тезисы и материалы) М., 2017.
- Зализняк 2006 — *Зализняк Анна А.* *Любовь и сочувствие: содержание концептов в русском языке и в романе М. Кундеры «Невыносимая легкость бытия»* // *Зализняк Анна А.* Многозначность в языке и способы ее представления. М., 2006. С. 374–391.
- Златковић 2001 — *Златковић Д.* Срамотно и погано у пиротском говору. София, 2001.
- Златановић 2014 — *Златановић М.* Речник говора Југа Србије. Врање, 2014.
- Кабакова 2001 — *Кабакова Г. И.* Антропология женского тела. М., 2001.
- Керемидчиева и др. 2012 — *Керемидчиева С., Кочева А., Василева Л., Първанов К., Сертова З., Гаравалова И., Чернева Р.* Еркеч — паметта на езика. София, 2012.
- КСГРС — картотека Словаря говоров Русского Севера (Екатеринбург, УрФУ, кафедра русского языка общего языкознания и речевой коммуникации).

- Кузнецова 2006 — *Кузнецова Л. Э.* Любовь как лингвокультурный эмоциональный концепт: ассоциативный и гендерный аспекты. Краснодар, 2006.
- Матіїв 2013 — *Матіїв М.* Словник говірок центральної Бойківщини. Київ; Сімферополь, 2013.
- Митровић 1984 — *Митровић Б.* Речник Лесковачког говора. Лесковац, 1984.
- Молерови 2006 — *Молерови Д. и К.* Сборник за Банско и банскалий. Банско, 2006.
- ПА — Полесский архив отдела этнолингвистики и фольклора Института славяноведения РАН, (Москва).
- Петровић 2012 — *Петровић С.* Турцизми у српском призренском говору. Београд, 2012.
- Пешикан Љуштановић 2012 — *Пешикан Љуштановић Љ.* Лирске народне песме. Нови Сад, 2012.
- Подюков, Хоробрых 2001 — *Подюков И., Хоробрых С.* (собр. и сост.) И смех, и грех. Эротика в Пермском фольклоре. Сказки, бывальщины, заговоры, загадки, песни, частушки. Пермь, 2001.
- ППГ 1986 — Пахаванні. Памінкі. Галашэнні. Мінск, 1986.
- РБЕ — Речник на българския език. Т. 1–15. София, 2001–2015.
- РЭФ 1995 — Русский эротический фольклор / Сост. А. Л. Топорков. М., 1995.
- СБНУ — Сборник за народни умотворения. София, 1889–.
- Седакова 2007 — *Седакова И. А.* Балканские мотивы в языке и культуре болгар: Родинный текст. М., 2007.
- Славейков 1972 — *Славейков П. Р.* Български притчи и пословици или характерни дума. София, 1972.
- СРГК — Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей / Гл. ред. А. С. Герд. СПб., 1994–2005. Вып. 1–6.
- СРНГ — Словарь русских народных говоров / Под ред. Ф. П. Филина, Ф. П. Сороколетова, С. А. Мызникова. М.; Л., 1965–. Вып. 1–.
- Толстая 2012а — *Толстая С. М.* Лики любви в зеркале славянских языков // Смыслы, тексты и другие захватывающие сюжеты. Сб. статей в честь 80-летия И. А. Мельчука. М., 2012. С. 587–597.
- Толстая 2012б — *Толстая С. М.* Этимология и семантическая типология: еще раз о любви // *Empiricism in Slavonic Diachronic Linguistics*. Praha, 2012. S. 199–218. (*Studia Etymologica Brunensia*–15).
- Топорков 2004 — *Топорков А. Л.* Любовная магия // Славянские древности. Этнолингвистический словарь / Под общей редакцией Н. И. Толстого. Т. 3 К (Круг) — П (Перепелка). М., 2004.
- Топорков 2008 — *Топорков А. Л.* Любовные заговоры славянских народов в компаративном отношении // Письменность, литература и фольклор славянских народов: XIV Международный съезд славистов. Охрид, 10–16 сентября 2008 г. Доклады российской делегации. М., 2008. С. 484–502.
- Топорков 2015 — *Топорков А. Л.* «Лежит доска, на ней тоска»: Тоска в любовных заговорах // *Русская речь*. 2015. № 3. С. 114–120.
- Узенева 2010 — *Узенева Е. С.* Болгарская свадьба: Этнолингвистическое исследование. М., 2010.
- Цепенков 1998 — *Цепенков М.* Фолклорно наследство. Т. 1. София, 1998.

- Ширилов 2008 — *Ширилов Т.* Фразеолошки речник на македонскиот јазик. Т. 1–3. Скопје, 2008.
- Birnbaum 1978 — *Birnbaum H.* The sphere of love in Slavic. Some preliminary observations // American contributions to the eighth International congress of slavists. Zagreb and Ljubljana, sept. 3–9, 1978. Vol. 1. Columbus, Ohio. P. 155–179.
- Jakubowicz 2000 — *Jakubowicz M.* Dwa oblicza miłości. Porównanie językowych obrazów miłości, tkwiących w etymologii i frazeologii // *Język a kultura*. Wrocław, 2000. T. 14. S. 234–243.
- Sedakova 2015 — *Sedakova I.* Magico-Religious Symbolism of a Candle in the Slavic Calendar Rituals // *The Ritual Year 10. Magic in Ritual. Ritual in Magic*. Innsbruck; Tartu, 2015. P. 141–151.
- Wierzbicka 1971 — *Wierzbicka A.* Kocha, lubi, szanuje. Medytacje semantyczne. Warszawa, 1971.